

Проблемы межкультурного взаимодействия в посольстве К. Г. Мачехнина во Францию в 1654 г.

Манин Даниил Олегович

лаборант-исследователь лаборатории эдиционной археологии,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0002-0141-8009. ResearcherID: AFH-1918-2022.
E-mail: daniil-manin@mail.ru

Аннотация. В статье на основе сохранившихся комплексов русских и французских источников проанализированы проблемы взаимодействия с инокультурной средой посольства К. Г. Мачехнина, направленного во Францию в 1653–1654 гг. Посольство имело как внешнеполитическое, так и дипломатическое значение для восстановления позиций России в системе отношений между странами Европы, гонец должен был не только уведомить французского короля о событиях в Восточной Европе, но также и обосновать причины начинавшейся русско-польской войны. При этом в своих контактах гонец не остался ограничен миссией к королю, но также взаимодействовал с королевой-матерью, английской королевой в изгнании, французскими придворными, эмигрантами с Британских островов и торговавшими в России голландскими купцами. Целью статьи является анализ особенностей межкультурного взаимодействия в контексте новой дипломатической истории с особым вниманием к проблемам репрезентации власти, личности дипломатов и культурной стороне их миссии. Такой акцент придает исследованию актуальность, в связи с небольшим вниманием в историографии к этой миссии в контексте более классической истории международных отношений. В качестве материалов для исследования послужили французские придворные отчеты о церемониях, публикации в изданиях *La Gazette* и *La muze historique*, переписка французских придворных и статейные списки русских гонцов. Сделаны выводы о дипломатическом и внешнеполитическом значении миссии, о существовавших проблемах взаимодействия русской и французской дипломатической культуры в середине XVII в., влиянии личности гонца К. Г. Мачехнина на процесс складывания дипломатических отношений, а также об особенностях передачи известий о посольстве в сохранившихся источниках. Результаты исследования могут быть привлечены для исследований по дипломатической культуре XVII в., истории внешней политики и международных отношений.

Ключевые слова: история дипломатии, Английская революция, двор Людовика XIV, Тринадцатилетняя война, русско-французские отношения.

Одним из основных событий русской внешней политики XVII в. стала Тринадцатилетняя русско-польская война 1654–1667 гг. Она обусловила возвращение России к активному дипломатическому взаимодействию с европейскими странами [9, с. 237] и трансформацию русских дипломатических практик. Этот процесс коснулся и русско-французских отношений. Прямое взаимодействие между двумя странами было приостановлено после закрепления в Европе результатов Вестфальского мира, но в связи с возвращением России к противостоянию с Речью Посполитой должно было возродиться.

Миссия К. Г. Мачехнина в 1654 г. стала частью дипломатической подготовки к началу русско-польской войны. Эта подготовка широко отражена в современной отечественной историографии, в частности, в работах В. Л. Загоровского и Б. Н. Флори, подробно посвященных дипломатической подготовке конфликта [5; 15]. Отдельно миссия К. Г. Мачехнина привлекала меньшее исследовательское внимание, во французской историографии за ней закрепилось представление как о незначительной миссии, не способствовавшей завязыванию диалога между странами, в связи с чем основное внимание исследователей обычно уделялось миссии П. И. Потемкина во Францию 1668 г. [30, р. 324]. В советской историографии также существовало представление о незначительности этой миссии [см. 10, с. 4–17], что обуславливалось не только проблемами доступа к французским источникам, но и марксистским макроисторическим подходом в целом. Так Б. Ф. Поршнев, реконструируя систему межгосударственных отношений в 1650-х гг., писал: «Конечно, между Францией и Россией были кое-какие и прямые связи. Может быть, для чистоты эксперимента было бы лучше, если бы их не было вовсе, если бы французы и русские даже не слышали ничего друг о друге» [9, с. 320]. Наиболее подробно

посольство К. Г. Мачехнина было рассмотрено в монографии Ф. Гроненбаума в 1968 г., однако было сделано без использования русскоязычных архивных материалов [21]. В современной историографии дипломатии раннего Нового времени значение отдельных посольств было пересмотрено, особую ценность для работ историков получили сведения источников о дипломатической культуре и межкультурных взаимодействиях [17; 20; 23; 24; 31 и др.].

Развитие направления новой дипломатической истории актуализирует материалы, сохранившиеся от посольства К. Г. Мачехнина. Целью представленного исследования стал анализ особенностей взаимодействия посольства с инокультурной средой и введение в научный оборот сведений об истории этой дипломатической миссии.

Французский королевский двор к середине XVII в. был вовлечен в польскую политику в связи с женитьбой Яна II Казимира на принцессе Людовике-Марии Мантуйской. Ее брак имел существенное внешнеполитическое и дипломатическое значение, сближая польский и французский дворы, и привлекал внимание даже царя. Так, в Приказе тайных дел отложился перевод польского известия из Парижа о сватовстве польского короля [11]. Завязывавшийся конфликт между Речью Посполитой и Россией в 1650-х гг. был нежелателен для союзнически настроенного по отношению к Яну Казимира французского двора, именно поэтому парижское официальное периодическое издание *La Gazette* крайне негативно оценило роль русских слов в Варшаве, развязывавших конфликт [21, s. 11].

Возрождение русско-французских дипломатических связей могло стать важным фактором для внешней политики России. К началу 1650-х гг. уже существовал опыт прямых контактов XVI и начала XVII вв. между двумя государствами, однако во второй половине XVII в. он редко использовался для организации дипломатических связей между ними. Это было обусловлено рядом проблем, среди которых М.-К. Шоб выделяла слабое знакомство России с Францией, слишком формальные церемонии репрезентации царя в России и широко распространенное подозрительное, ксенофобское, отношение административных и политических элит России к иностранцам [31, p. 324]. Представляется, что похожие проблемы существовали и в отношениях французов к русским. Вероятно, к 1650-м гг. опыт предшествующих контактов между Россией и Францией использовался нерегулярно, об этом может свидетельствовать сообщение Г. Ф. Котошихина, что материал по ним к середине XVII в. сгорел [7, с. 40–41].

Посольства 1653–1654 гг. имели широкий внешнеполитический контекст для русского правительства [21, s. 9]. Несмотря на то, что царь и его окружение сознательно стремились к локализации конфликта [14, с. 10], достичь невмешательства в него других стран необходимо было поддержанием с ними дипломатических связей, а не изоляцией от Европы. Судьба Речи Посполитой касалась всей европейской дипломатической системы и в т. ч. Франции.

В советской историографии существовала точка зрения, что русские и французские политические деятели к началу 1650-х гг. уже «чувствовали» враждебность в отношениях между странами [10, с. 23]. Однако изучение русских дипломатических миссий 1653–1654 гг. Л. В. Заборовским показало, что хотя первые гонцы были отправлены в Швецию и Республику Соединенных провинций, а дипломаты во Францию, Швецию, Голландию и Данию были направлены позже, тем не менее это было сделано в связи с антигабсбургской ориентацией этих стран, именно они, как вероятно представлялось в окружении царя и в Посольском приказе, могли иметь более благожелательное отношение к русской внешней политике [5, с. 30–31]. В проектах грамот, направляемых во Францию и Голландию, содержалась просьба оказывать России всяческую поддержку и, напротив, не помогать ничем Речи Посполитой, но в окончательный текст она не вошла. Л. В. Заборовский считал, что отказ от этого положения был связан с дипломатической гибкостью, т. к. реально этим странам было бы сложно поддерживать Россию [5, с. 31]. Однако из Франции происходила поддержка Речи Посполитой, а в дальнейшем даже существовали планы прямой военной помощи [27, s. 44], предотвратить ее заранее могло быть принципиально важным. Вероятно, русская дипломатия рассчитывала на невмешательство Франции в русско-польский конфликт [5, с. 36], либо на то, что это вмешательство останется ограниченным.

Таким образом, главной целью посольства К. Г. Мачехнина во Францию в 1654 г. было проинформировать Людовика XIV о начале войны и объяснить ее причины. Аргументация причин в грамоте к французскому королю была выстроена вокруг умаления царского титула и прямого бесчестия по отношению к нему. В ней приводились примеры неправильного написания царского титула, его умаления, ошибок в имени царя, преувеличения титула польского короля за счет царских титулов, в т. ч. продолжение именованя Владислава IV обран-

ным великим князем Московским. Наконец в грамоте обращалось внимание, что многие оскорблявшие царя в печатных трудах поляки не понесли наказания [1, с. 198–201]. Наказания поданных за оскорбления иностранных князей были распространенной практикой в Западной Европе, показательным стал случай 1644 г., когда парижский публицист, оскорбивший в печати императора, был посажен в тюрьму [9, с. 68]. При этом это происходило до подписания комплекса Вестфальских соглашений, т. е. в период когда король Франции и император находились в состоянии войны, в отличие от отношений России и Речи Посполитой, сохранявших Поляновский мир 1634 г.

Гонца К. Г. Мачехнина с дьяком А. К. Богдановым отправили из Москвы 6 (16) декабря 1653 г. [10, с. 23; 12, л. 2], еще до официального вступления России в войну и Переяславской рады. Помимо гонца и дьяка в состав их свиты входили переводчик Роман Болдвинов, толмач Юрий Михайлов и 8 слуг [19, fol. 172], что соответствовало стандартной свите для гонца в русской дипломатической практике [18, с. 57–58; 19, 173г.]. Путешествие гонцов осуществлялось сухопутным маршрутом, переводчик Р. Болдвинов занимался организацией найма подвод, договаривался с местными властями о выдаче посольству продовольствия и предоставлении сопровождающих [12, л. 3 об.], иногда в переговорах также участвовал толмач Ю. Михайлов [12, л. 4 об. – 5]. Маршрут гонца был сухопутный и проходил через Прибалтику и Северогерманские земли [12, л. 3 об. – 6].

Однако когда посольству удалось добраться до Гааги, 27 апреля (6 мая) 1654 г., внутри посольской свиты произошел конфликт, в 4 часа ночи толмач Нечай Дрябин, как указано в статейном списке, «поколел ножом переводчика Романа Болдвина, а за што у них стало, то во не ведомо, а писано об его, Романове, смерти к Москве с подьячим с Офонасьем Буколовым» [12, л. 22]. Смерть переводчика стала проблемой для посольства, потому что в небольшой посольской свите никто не мог полноценно восполнить его языковые компетенции. В отличие от более ранних и поздних практик [8, с. 222–231; 13, с. 118–122], гонец К. Г. Мачехнин не стал нанимать нового переводчика в Голландии, который бы мог способствовать работе с французской языковой средой. Вместо этого он встретился в Гааге с Матвеем Поливановым, русским гонцом, направленным в Республику Соединенных провинций, и попросил передать ему переводчика Ивана Вильнера. Новый переводчик был московским торговым иноземцем фламандского происхождения, поэтому мог переводить с русского на фламандский [2, с. 14; 29, р. 43], вероятно, что он также владел немецким языком, однако сведений о знании им латыни не сохранилось [3, с. 85]. Таким образом, проблема перевода на французский язык на этом этапе решена не была.

Еще более острой проблемой для гонца стал проезд во Францию: на морских путях, несмотря на завершение англо-голландской войны 1652–1654 гг., сохранялась опасность английских каперов¹, а в испанских Нидерландах шли активные боевые действия между армиями Франции и Испании [12, л. 26].

Неудачное стечение обстоятельств с морским маршрутом привели посольство к попытке совершить сухопутное путешествие. Для него голландские власти подготовили собственные письма для подтверждения статуса гонца [12, л. 37]. Посольству удалось успешно добраться до Антверпена и Брюсселя [12, л. 37 об. – 38], однако испанские власти не предоставили миссии продовольствия, подвод, не выделили сопровождающего и настаивали, что им необходимо дожидаться возвращения эрцгерцога Леопольда, либо его победы [12, л. 41 об.]. В это время эрцгерцог руководил длившейся уже несколько месяцев осадой Арраса. Гонцу пришлось вернуться в Гаагу 3 (13) августа, где голландские власти отказали ему в оплате проживания и снабжении продовольствием, а опасность отсутствия попутного ветра вынудила Г. К. Мачехнина рассчитывать на длительное ожидание [12, л. 43 – 45 об.]. Чтобы оплатить дальнейшее проживание, гонец связался в Амстердаме с торговавшими в Москве гостями Маркусом де Вогеларом и Томасом Сваном. Когда они прибыли в Гаагу, то Мачехнин оформил у них займ для государева дела и приложил грамоты о нем к статейному списку [12, л. 47 об. – 48].

О намерении русского гонца отправиться во Францию был уведомлен французский посол в Гааге П. Шаню, который проинформировал государственного секретаря иностранных дел Франции Л. де Бриенна о прибытии гонца в Гаагу [17, с. 247; 21, с. 9; 29, р. 43], после чего в Париже знали о готовящейся миссии. Власти Голландии все же выделили гонцу новый корабль, на который он сел 29 августа (8 сентября) 1654 года и 10 (20) октября прибыл во французский порт Гавр [12, л. 49; 21, с. 9], таким образом путешествие из Москвы до Франции

¹ Мирный договор был ратифицирован Генеральными штатами 22 апреля 1654 г. [см. 6, с. 151].

в общей сложности заняло 10 месяцев. Несмотря на известия, П. Шаню в Гавре не были готовы к приему гонца, и К. Г. Мачехнин послал переводчика И. Вильнера к губернатору, чтобы ему назначили пристава, выдали продовольствие (корм), а также предоставили подводы и сопровождающих до Парижа [12, л. 49 об.]. Губернатор не был уполномочен организовать прием русского гонца и даже после личной встречи с К. Г. Мачехниным просил его написать письмо к королю, чтобы получить официальный ответ на его просьбы [12, л. 50]. Губернатор также отметил, что во Франции нет общепринятой практики снабжения иностранных посольств за счет королевской казны, на что гонец ответил, что в прочих странах принято снабжать русских дипломатов средствами принимающей стороны. Несмотря на сохранявшееся недопонимание, губернатор пытался проявить вежливость (*honnête*) по отношению к дипломату и пригласил его к себе на обед, что было общепринятой нормой французской социальности (*sociabilité*), в т. ч. в отношении иностранных дипломатов [25, р. 265], на что гонец не мог согласиться из-за принятых в России норм дипломатического церемониала, согласно которым дипломатам не было позволено быть у кого-либо прежде иностранного монарха, к которому они были направлены [12, л. 4 об., 51–51 об.; 18, с 176–178].

Гонец не стал затягивать уже затянувшуюся миссию и вместо того, чтобы ждать ответ из Парижа, отправился в Руан за свой счет, наняв там провожатого самостоятельно [12, л. 51 об. – 52]. Обсуждение обеспечения миссии продолжилось, когда посольство остановилось 17 (27) октября в гостинице Королевская шпага (*Éreé Royale*) в Сен-Дени и откуда отправило переводчика и нанятого провожатого в Париж для дальнейших переговоров о приеме посольства [12, л. 52 об.; 19, fol. 172]. Переводчик И. Вильнер встретился с государственным секретарем иностранных дел Л. де Бриенном, после консультации с королевой-матерью и кардиналом Дж. Мазарини о переводе миссии на обеспечение из королевской казны суперинтендант финансов А. Сервьен выделил на посольство 2400 ливров из казны [21, s. 9; 29, р. 43]. Из них 100 ливров в день должно было идти на ежедневные траты послов, начиная с момента, как гонца посадили в королевскую карету [19, fol. 172].

24 октября (3 ноября) в Сен-Дени были присланы кареты для торжественного въезда в Париж, одной из основных дипломатических церемоний Франции [17, с. 76], вместе с каретами к гонцу прибыл посольский интродуктор Н. де Берлиз (*de Berlize*), основное лицо, занимавшееся организацией дипломатических церемоний в Париже [12, л. 53 об.; 17, с. 62]. Именно К. Г. Мачехнин, как считается в историографии, стал первым русским дипломатом, совершившим торжественный въезд в Париж [21, s. 9–10]. В конце церемонии их отвезли в посольский отель на улицу Дофина и кормили, как приказывал кардинал [19, fol. 172]. Необходимо отметить, что в статейном списке гонца церемониал торжественного въезда в Париж практически не был отражен, в отличие от статейных списков более поздних посольств, вероятно, что для К. Г. Мачехнина он представлялся менее значимым, чем церемонии с личным участием короля. В целом ни в русских, ни во французских источниках не зафиксированы дипломатические конфликты вокруг этой церемонии. Несмотря на то, что малочисленная свита гонца была не предназначена для полноценной репрезентации статуса царя, их торжественный въезд привлек внимание парижской публики: парижан удивляло богатство необычной одежды гонца и его слуг в зеленых кафтанах, их находили похожими на турок [21, s. 9–10; 29, р. 43]. От них русских в глазах французов отличали длинные волосы, дубленные мехом шляпы и длинные кафтаны, доходящие до лодыжек [19, fol. 172].

Несмотря на то, что посольство добралось до Парижа, попасть на королевскую аудиенцию было невозможно из-за временного отсутствия короля в городе, но уже на этом этапе к ним послали голландского банкира Жана Фрисса для перевода с фризского языка, которым владел их переводчик, на французский [2, с. 14; 12, с. 54; 29, р. 43]. Проблемы перевода их языка также притягивали к ним внимание парижской публики, так, в письме драматурга Ж. Расина к баснописцу Ж. де Лафонтену из южнофранцузского города Юзес от 11 ноября 1661 отмечалось, что без переводчика с окситанского он находится среди жителей Лангедока в таком же положении, как русский (*moscovite*) в Париже [21, s. 9; 28, р. 82]². История с поиском переводчика также вошла и в придворную стихотворную газету в *La muze historique* (письмо от 7 ноября 1654 года) [26, р. 564]³.

² Используемые в России языки привлекали внимание Ж. Расина и в других письмах [28, р. 177].

³ *La muze historique* была небольшой развлекательной газетой в стихах, издаваемая в Париже придворным поэтом герцогини М. де Лонгвиль Ж. Лоретом в 1650–1665 гг., отразившая основные культурные события Парижа [см. 22, pp. 289–290].

Изначально французская сторона планировала принять гонца за 5–6 дней, но из-за отсутствия короля и необходимости получить его аудиенции посольство затянулось [19, fol. 172], чтобы не задерживать гонца, ему предложили посетить королеву-регента и государственного секретаря иностранных дел Л. де Бриенна, подчеркивая их особое значение в связи с малолетством короля, а также у них запросили копию царской грамоты, чтобы проверить написание титулов и узнать цель приезда [12, л. 54 – 54 об.]. Тем не менее К. Г. Мачехнин отказался от этих встреч до официальной королевской аудиенции и настоял на том, что грамоту должен вручить лично в руки королю, в соответствии с церемониалом [12, л. 4 об. – 55 об.], т. е. отдать грамоту раньше аудиенции у монарха считалось серьезным недочетом в русской дипломатической традиции [18, с. 57, 134]. Аудиенция у короля была назначена на 30 октября (9 ноября) 1654 г., с учетом традиционного для русской дипломатии условия – отсутствия в этот день других иностранных дипломатов у короля [12, л. 56 об.]. Практика участия находившихся при дворе иностранных дипломатов в посольском церемониале была распространена во Франции [17, с. 76], но не была обязательной, это условие было соблюдено. Именно благодаря исключению прочих иностранных представителей, русские дипломаты могли избежать с ними дискуссий о статусе [23, р. 52], что значительно усложнило бы существовавший церемониал.

Несмотря на интерес к посольству, на королевской аудиенции присутствовали только брат короля Филипп Орлеанский, два прочих герцога и государственный секретарь иностранных дел Л. де Бриенн [12, л. 59]. В своем статейном списке К. Г. Мачехнин воздержался от пространного описания церемониала аудиенции, отметив лишь, что король, встречая их, встал, снял шляпу и стоя спрашивал про здоровье царя [12, л. 57 об.]. Иное описание было составлено при французском дворе, в записке де Берлиза. Им было отмечено, что король, спрашивая о здоровье царя, не встал, из-за чего толмач (*truchements*) выразил протест, сказав, что в России принято подниматься, говоря о царе, но король согласился лишь снять шляпу в знак уважения к царю [19, fol. 172r.]. Тем не менее эта норма не закрепилась во французском церемониале, а также, вероятно, не стала известна в России из-за отсутствия упоминания ее в отчетных документах посольства, что потребовало уточнения в ходе дальнейшего дипломатического взаимодействия.

После королевской аудиенции де Берлиз пригласил К. Г. Мачехнина к королеве-матери, объяснив это тем, что она рада прибытию царских дипломатов, которые уже давно не посещали Францию [12, л. 59]. Гонец и его свита глубоко поклонились королеве, как им показал де Берлиз, и высказали ей формальные комплименты [19, fol. 172r.]. Анна Австрийская сказала им, что много слышала про царя, и рада, что он прислал любительскую грамоту [12, л. 59 об. – 60], а при упоминании царского имени она встала [19, fol. 172r.]. Гонец сказал, что для нее у него царской грамоты нет⁴, что ограничивало его возможности для переговоров. Встреча с королевой-матерью имела важное значение для дипломатической системы рассматриваемого периода, потому что при польском дворе королева Людовика-Мария имела большое влияние и ее планы о наследовании польского престола касались взаимодействия с другими европейскими королевами, в особенности с Анной Австрийской.

На следующий день, 31 октября (10 ноября) гонец попросил о второй аудиенции у короля, чтобы передать ему книгу, перечисляющую причины, почему царь объявил войну полякам, принимающей стороне удалось его убедить вручить книги государственному секретарю иностранных дел Л. де Бриенну, а не лично в руки короля [19, fol. 173; 21, s. 10]. Встреча с государственным секретарем произошла 1 (11) ноября, гонца на нее также сопровождал посольский интродуктор де Берлиз, а Л. де Бриенн встретил их у палаты, а после аудиенции проводил до крыльца, что гонец зафиксировал в статейном списке [12, л. 60 об. – 62]. Государственный секретарь обещал отдать книги королю и передавал гонцу, что Людовик XIV рад его приезду, но считает, что с польским королем царь должен оставаться в мире. К. Г. Мачехнин, не будучи уполномоченным, не стал вступать в переговоры по этому вопросу и попросил лишь о назначении ему в ближайшее время отпускной аудиенции у короля, после того как тот ознакомится с книгами и будет подготовлена ответная грамота [12, л. 61 об.].

⁴ В европейской дипломатической практике существовала норма отправлять дипломатов от монарха к монарху и отдельно от супруги одного монарха к супруге другого, в отношении России она имела место быть в предложении гетмана великого литовского П. Сапеги, 27 декабря 1656 г. предложившего направить посланника от русской царицы к польской королеве Людовике-Марии, чтобы способствовать избранию царевича преемником польского короля, впрочем, к королеве все равно были направлены письма от царя [14, с. 181–182].

Аудиенции гонца у короля, королевы-матери и государственного секретаря иностранных дел вновь привлекли внимание французского придворного общества. Прием К. Г. Мачехнина отразился в письме от 14 ноября, опубликованном в уже упоминавшейся *La muze historique* Ж. Лоретом. Придворный поэт подчеркивал внимание публики к миссии гонца, но также обращал внимание на курьезность ее восприятия, что, в частности, длинного царского титула, который поэт иронично написал следующим образом: граф здесь, маркиз там, великий князь, великий король Черкессии, Великий император России, князь Колхидских островов, с которых происходит плод, зовущийся кокос, обладатель Кападокии, сороковой степени Шотландии, владетель Кавказа и Захары, султан, халиф и так далее⁵.

Вероятно, что в России такой титул сочли бы не меньшим оскорблением, чем сочинения польских авторов, ставшими формальным поводом для русско-польской войны 1654–1667 гг. Сознательное искажение титулов имело место и в Москве, в частности, оно встречается в переводе иностранных памфлетов о турецком султани [16, с. 149–152]. Однако искажение титула султана, не претендовавшего на то, чтобы быть частью христианского мира и европейского сообщества князей, не могло становиться угрозой для дипломатической практики, в отличие от исключения из нее царя.

С другой стороны, личность гонца не рассматривается с курьезной стороны, его называют «достойным иностранцем» (*étranger de mérite*), а возможность королю Франции стать арбитром в русско-польском конфликте оценивается как достойная его статуса. К тому же благодаря этому сообщению из придворных кругов можно сделать вывод, что идея о посредничестве французского короля возникла после полученных гонцом аудиенций и уже стала известна среди придворных, прежде чем предложение о посредничестве было официально зафиксировано в ответной королевской грамоте [5, с. 60].

Пока К. Г. Мачехнин и его свита ожидали в посольском отеле список с королевской грамоты, их посещали еще несколько человек, что было зафиксировано в статейном списке. Первыми из них были французские придворные вместе с переводчиком И. Фриссом. Из сохранившихся документов сложно определить цель их визита, но гонец воспользовался этой ситуацией, чтобы уточнить детали внешнеполитической обстановки. Он интересовался франко-испанской войной 1635–1659 гг., с которой лично столкнулся при попытке путешествия через Нидерланды. Ему попытались объяснить династические связи между королями Франции и Испании и причины войны, объявили о победе французов при Аррасе, осада которого не давала гонцу добраться до Парижа по суше, а также о том, что люди французского короля уже стоят в 6-и милях от Брюсселя [12, л. 64]. Более подробно К. Г. Мачехнину рассказали и о переходе французского принца Конде на сторону испанцев, о котором гонец помнил и интересовался со времен своего путешествия [12, л. 41 об.].

После французов посольский отель посетили двое шотландцев, служивших королю Шотландии и Ирландии Карлу II. Их визит был обусловлен тем, что дядя одного из них, Иван Бутлер, находился на царской службе. Они рассказали о своем участии в интервенции против О. Кромвеля, а также попросились на царскую службу, несмотря на то, что после казни Карла I из России, как они слышали, изгнали англичан [12, л. 65].

Уже после официального отпуска у французского короля к К. Г. Мачехнину приехал граф Жерми напрямую от английской королевы в изгнании [12, л. 69]. Со времен Английской революции царское правительство не только формально поощряло планы английских роялистов, но и материально поддерживало будущего английского короля Карла II [15, с. 207]. Английская королева Генриетта-Мария в Париже также старалась всячески способствовать объединению международных сил для поддержки интервенции против Английской республики [9, с. 142]. Прибывший от нее к русскому гонцу Жерми сообщил, что наследник престола Карл

⁵ Comte d'icy, marquis de-là,
Grand duc, grand roy de Circassie,
Grand Empereur de la Russie,
Prince de l'isle de Colcos,
D'où vient le fruit nommé cocos,
Potentat de la Capadoce,
A quarante dégrez d'Ecosse,
Chef du Caucaze et Zahara,
Soldan, Caliphe, et cetera [26, p. 565].

признан королем Шотландии и Ирландии, но разбит англичанами, уехал в Германию, из-за акта устранения [6, с. 152], принятого в Республике Соединенных провинций, а королева с младшими братьями Карла II живет в Париже и надеется на царскую милость [12, л. 69 об. – 70]. Таким образом, это был уже второй визит подданных короля Карла к гонцу, и он отражал не только особую значимость отношений между русским и английским двором, которая сохранялась даже после Английской революции, но и определенное признание статуса царя в системе международных отношений, вынужденной реагировать на последствия гражданской войны в Англии.

Вокруг отпуска гонца возник дипломатический конфликт, т. к. согласно русским традициям, К. Г. Мачехнин должен был получить ответную грамоту лично из рук короля на отпускной аудиенции, но вместо этого принимающая сторона стремилась его убедить принять ответную грамоту у государственного секретаря иностранных дел. С этой целью посольский интродуктор де Берлиз ездил к нему каждый день с 11 (21) по 15 (25) ноября, но К. Г. Мачехнин стоял на своем [12, л. 67 об.]. В статейном списке он указал, что аргументировал это тем, что раз отдал королю царскую грамоту лично в руки, то и ответную должен взять из его рук [12, л. 67]. В записке де Берлиза указано, что гонец также сказал, что если возьмет письмо у Л. де Бриенна, то ему отрубят в Москве голову [19, fol. 173; 21, s. 10]. Король пошел на уступки, на 17-е (27) ноября была назначена официальная отпускная аудиенция. Помимо короля на аудиенции присутствовала королева-мать, Филипп Орлеанский и государственный секретарь иностранных дел Л. де Бриенн, державший грамоту для царя. Король встал и сказал, что рад быть с царем в вечной дружбе, сняв шляпу, передал грамоту Мачехнину, который отдал ее дьяку А. Богданову и поклонился королю [12, л. 68]. Ранее список с грамоты был проверен И. Вильнером, дискуссий вокруг царского титула не возникло⁶. На этом завершилась официальная миссия гонца к французскому королю.

Советский историк В. П. Преображенский считал, что прием К. Г. Мачехнина у малолетнего Людовика XIV и Анны Австрийской был крайне «сухим» [10, с. 24]. Однако важно привлечь внимание, во-первых, к статусу дипломата, являвшемуся гонцом (аналогично французскому *courtier*), которым во французской традиции обычно не предоставлялось право аудиенции у монарха, в отношении К. Г. Мачехнина это было уступкой с французской стороны [18, с. 51; 23, р. 105]. Во-вторых, целью посольства не было ведение переговоров и получение соответствующих аудиенций, а исключительно вручение царской грамоты в ходе церемонии официального приема дипломатов у монарха, вручение книг, подтверждающих правомерность обвинений в адрес польского короля и получение ответной королевской грамоты. Именно направленная с гонцом грамота имела первостепенное значение в этой миссии. Так, Ф. Гроненбаум подчеркивал, что письмо, отправленное с Мачехниным, было самым длинным среди посланных к французскому монарху до времен Петра I [21, s. 9]. Он также отмечал, что несмотря на то, что К. Г. Мачехнин был всего лишь гонцом, ему дали 3 аудиенции, что было не принято для западноевропейских гонцов, сближая его со статусом посланника. Исследователь связывал это с тем, что дипломатический протокол русско-французских отношений только зарождался в XVII в. и окончательно был установлен уже при позднем Старом порядке [21, s. 11]. Однако нам представляется, что в дипломатическом протоколе XVII в. существовала определенная логика, действительно часто статус русских посольств во Франции фактически становился более высоким, к тому же на посещениях лично короля настаивали сами русские дипломаты, король в большинстве случаев шел им навстречу. О том, что во Франции имели представление о системе дипломатических рангов России, показывает записка посольского интродуктора де Берлиза, посвященная посольству Мачехнина. Описывая эту систему, посольский интродуктор сообщал, что к иностранным принцам они отправляют 3 вида людей: послов (*ambassadeurs*), посланников (*envoyé*) или малых послов (*ambassadeurs*) и гонцов (*courriers*), их послы приезжают со свитой из 300 людей, посланники – с 30-ю или 40, а гонцы – с 10 или 12, а по возвращении им дают наместничества (*gouvernements*) в зависимости от сделанных ими расходов [19, fol. 173r.]. Таким образом, представляется, что повышение статуса К. Г. Мачехнина французской стороной было осознанным, аналогичные случаи известны из русской дипломатической практики [18, с. 139].

Тем не менее между деятельностью русского гонца и французскими представлениями о дипломатах существовал ряд противоречий. Например, сопровождающие также предлагали

⁶ Копия содержала только титулатуру, содержание грамоты для царя гонцу не раскрывали [12, л. 66 об. – 67].

посольству более тесное взаимодействие с парижским окружением, в т. ч. посмотреть Лувр и другие красивые места, но гонец отказывался [19, fol. 173; 21, s. 10; 29, p. 44]. Это отсутствие любопытства (*curiosité*) в отношении парижского окружения, одной из характерных черт французской светской жизни XVII в., отмечалось французами и создавало пропасть, затруднявшую более тесное межкультурное взаимодействие, т. к. именно этикет, частью которого во Франции было любопытство, создавал в дипломатии возможность общения между лицами разного происхождения и рангов [18, с. 176]. В дополнение к этому французами подчеркивалось, что К. Г. Мачехнин не мог сказать, ни к какому дому относится супруга великого князя, ни его мать, что он даже практически не умел писать. К этому добавлялось и представление о его невысокой компетенции в области дипломатии, в частности, де Берлиз подчеркивал, что гонец был настолько плохо осведомлен в иностранных делах, что не знал предков никого из князей, даже самых близких их соседей [19, fol. 173r.]. В историографии существует точка зрения, что гонец был плохо информирован, так как одна была из первых миссий во Францию [23, p. 58], но вполне возможно, что гонец в принципе не имел должных компетенций, потому что не должен был выполнять задач сверх данного ему наказа. Отсутствие интереса к светской культуре было характерно не только для французского посольства, аналогичной замкнутостью отличалось и посольство в Вену, лишь отправленный в Венецию И. Чемоданов глубоко познакомился с театрами этого итальянского города, однако необходимо отметить, что он был посланником и его миссия имела более высокий статус [24, p. 58].

Несмотря на то, что потребление пищи гонцом и его свитой представлялось французам более культурным, в сравнении с поляками и турками, их отказ от табака и пристрастие к бренди (*eau-de-vie*), которое гонец, дьяк и переводчик потребляли, согласно сообщению де Берлиза, до 8 пинт в день создавали в целом негативное впечатление [19, fol. 173r.]. Особенно посольскому интродуктору запомнился случай, когда швейцарцам, охранявшим покои гонца, пришлось вмешаться в драку между ним и дьяком. Причем, согласно его известию, после того как ссора была улажена, швейцарцы остались пить с ними до раннего утра [21, s. 10; 29, p. 44]. Тем не менее этот случай не стал серьезным дипломатическим инцидентом и не попал во французскую прессу, несмотря на его курьезность, вероятно, из-за необходимости поддерживать престиж прибывшего к королю посольства.

Из-за ограниченных целей миссии и редкости русско-французских контактов в предшествующий период в миссии не были предусмотрены дары к королю. Тем не менее 18 (28) ноября 1654 г. гонцу привезли королевские подарки: К. Г. Мачехнину вручили золотую цепь за 1000 экю, другую золотую цепь за 100 экю вручили дьяку, ордонанс на 200 ливров – переводчику И. Фриссу и 100 экю – переводчику И. Вильнеру [12, л. 69 об. – 70; 19, fol. 173r.; 29, p. 44]. При этом размер цепи для гонца пришлось уменьшить на одно звено, стоимостью 600 ливров, из-за нехватки денег, которые выделили на прием посольства [21, s. 11]. Тем не менее главным в этих дарах были репрезентативные функции, как писал Ж. Лорет в издании *La muze historique*: не это драгоценное золото, блеск которого завораживает глаза, следует наиболее ценить, но этот королевский образ, чарующее величие которого вдыхает счастье в душу каждого человека, особенно если сам король его дарит⁷. Вероятно, что в связи с тем, что подарки в дипломатических практиках европейских государств, в т. ч. и России, подразумевали ответные дары [15, с. 204], можно предположить, что этот жест говорил о намерениях французского двора продолжать контакты с Россией, со стороны которой теперь подразумевался ответный дар.

Отпуск гонца был назначен на 19 (29) ноября, ему выделили сумму, эквивалентную 100 рублям на найм корабля, а сопроводить его до границ должен был толмач И. Фрисс, который, впрочем, смог довести миссию только до Руана из-за недостатка средств. До Гавра дипломаты добрались за свой счет и наняли в нем корабль до Амстердама [12, л. 70 об. – 71].

⁷ Ce n'est pas cet or précieux
Dont l'éclat enchante les yeux,
Qu'on doit estimer davantage,
Mais c'est cette royale image,
Dont la charmante majesté
Inspire la félicité
Dans l'ame de toute personne,
Sur tout quand c'est luy qui la donne [26, p. 571].

Посольство К. Г. Мачехнина вернулось последним из посольств 1653–1654 гг. в европейские страны. С собой гонец привез королевскую грамоту, содержащую предложение заключения мира между Россией и Речью Посполитой и предложение французского посредничества [5, с. 33–34]. Тем не менее при русском дворе вряд ли рассматривалась необходимость французского посредничества и в целом заключения мира с Речью Посполитой в связи с военными успехами в 1654–1655 гг. В целом среди стран, в которые были направлены посольства в 1653–1654 гг., только Франция выступила за прекращение конфликта, при этом не приняв активные шаги к нему [14, с. 11]. Русской дипломатии не удалось локализовать русско-польский конфликт и изолировать от него Францию, некоторые французские дворяне приняли в нем участие.

Возвращаясь к обстоятельствам посольства, необходимо отметить, что К. Г. Мачехнин не приобщился к французской культуре и его посольство вряд ли можно рассматривать как значимое для культурного трансфера между Россией и Западной Европой, в чем намного более выигрышным выглядело посольство И. Чемоданова в Венецию [24, р. 58]. Тем не менее оно сохраняло важность для дипломатической истории, стало частью процесса повторного включения России в европейскую дипломатическую систему.

Немецкий исследователь Ф. Гроненбаум считал, что прибывший гонец попал в самоуверенное, замкнутое придворное общество, в котором он и его свита вызывали недовольство, особенно своим иностранным, высокомерным поведением [21, s. 10]. Однако несмотря на сомнительное поведение гонца, зафиксированное в источниках о его приеме, показательно, что они не были включены в печатные издания, хотя и были достаточно курьезными, чтобы привлечь внимание читателей. Это способствовало сохранению высокого статуса прибывшего гонца, а данные дипломату аудиенции, выделенное его миссии содержание и выданные по французской инициативе дары, демонстрируют значение, которое королевский двор уделял контактам с Россией.

Миссия во Францию стала важной частью служилой карьеры К. Г. Мачехнина, вскоре после своего возвращения в 1656/1657 г. он был пожалован в стряпчие [4, с. 96]. Во время миссии он не участвовал в дискуссиях о написании царского титула, избегал большинства церемониальных конфликтов и не стремился изучить парижскую жизнь и достопримечательности, однако справился с основной задачей – передачей царской грамоты, назначением аудиенций лично у короля и получением от него ответной грамоты. Сопоставление датировок его статейного списка с французскими источниками показывает, что, вероятнее всего, он зафиксировал все значимые, с его точки зрения, события и их даты, и сведения о них получили в Посольском приказе. Таким образом, его миссия стала значимым шагом для возрождения русско-французских контактов и привела к дальнейшему развитию отношений между двумя странами.

Список литературы

1. «Брату нашему Лудвигу...»: переписка русских царей с королями Франции в конце XVI – начале XVIII в. (2021) / под. ред. С. М. Каштанова. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг. 272 с.
2. *Безобразов П. В.* О сношениях России с Францией. М.: Университетская типография. 468 с.
3. *Беляков А. В., Гуськов А. Г.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: мат-лы к словарю / Д. В. Лисейцев, С. М. Шагин. М.: Индрик, 2021. 304 с.
4. Боярская книга 1658 года. М.: Ин-т российской истории РАН, 2004. 333 с.
5. *Заборовский Л. В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в.: из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М.: Наука, 1981. 179 с.
6. *Израэль Д. И.* Голландская республика. Ее подъем, величие и падение. 1477–1806. Т. II. 1651–1702. М.: Клио, 2018. 618 с.
7. *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Изд. археографической комиссии, 1884. 260 с.
8. *Манин Д. О.* Стратегии и практики взаимодействия П. И. Потемкина с переводчиками в посольствах во Францию в 1667–1668 и 1680–1681 гг. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия: мат-лы междунар. науч. конф. Вып. 3. М., 2023. С. 222–231.
9. *Поршнев Б. Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М.: Наука, 1970. 385 с.
10. *Преображенский В. Д.* Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. Ч. 2 // Ярославский пед. ин-т. Уч. зап. Вып. 9. 1947. С. 4–17.
11. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 27. Оп. 1. Д. 71.
12. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4.

13. Рыбина Е. А. Три внештатных переводчика Посольского приказа и одна подпись на французской грамоте // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия : мат-лы междунар. науч. конф. М., 2019. С. 118–122.
14. Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1665–1661 гг.). М. : Индрик, 2010. 656 с.
15. Хеннингс Я. Неудачный подарок: культурный шок или политическая культура? О функции и значении дипломатического дара в англо-русских отношениях XVII в. // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. М. : Политическая энциклопедия, 2016. С. 201–225.
16. Шамин С. М. Иностранные памфлеты и курьезы в России XVI – начала XVIII столетия. М. : Весь Мир, 2020. 392 с.
17. Шиколо М. И. Дипломатический церемониал как способ репрезентации королевской власти во Франции второй половины XVII – начала XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. М. : МГУ, 2016. 277 с.
18. Юзефович Л. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 344 с.
19. Archives Nationales de France (AN). Mar. B7 204.
20. Bély L. La société des princes. Paris : Fayard, 1999. 651 p.
21. Grönebaum F. Frankreich in Ost- und Nordeuropa: Die französisch-russ. Beziehungen von 1648–1689. Wiesbaden : Franz Steiner Verlag GMBH, 1968. 234 s.
22. Hatin E. Histoire politique et littéraire de la presse en France. T. I. Paris : Poulet-Malassis et de Broise, 1859. 483 p.
23. Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge : Cambridge University Press. 297 p.
24. Jensen C. R., Maier I. Russia's Theatrical Past: Court Entertainment in the Seventeenth Century / S. Shamin, D. C. Waugh. Bloomington : Indiana University Press, 2021. 295 p.
25. Lilti A. Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. Paris : Fayard, 2005. 568 p.
26. Loret J. La muze historique. T. I. Paris : Chez P. Jannet. 582 p.
27. Nagielski M. Druga wojna domowa w Polsce: Z dziejaow polityczno-wojskowych Rzeczypospolitej u schyku rznadaow Jana Kazimierza Wazy. Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2011. 375 s.
28. Oeuvres completes de Jean Racine. T. VII. Paris : Normant, 1808. 633 p.
29. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la revolution française. T. VIII. Paris : Ancienne librairie G. Baillié et cie F. Alcan. 500 p.
30. Seydoux M. Les ambassades russes à la cour de Louis XIV // Cahiers du monde russe et soviétique. Année 1968. Vol. 9. № 2. Pp. 235–244.
31. Shaub M.-K. Comment régler des incidents protocolaires? Diplomates russes et français au XVIIe siècle // L'incident diplomatique (XVIe–XVIIIe siècle). Paris, 2009. Pp. 323–336.

Problems of intercultural interaction at the Embassy of K. G. Machechnin to France in 1654

Manin Daniil Olegovich

research assistant at the Laboratory of Alternative Archaeography,
Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin.
Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0002-0141-8009.
ResearcherID: AFH-1918-2022. E-mail: daniil-manin@mail.ru

Abstract. The article analyzes the problems of interaction with the foreign cultural environment of the embassy of K. G. Machechnin, sent to France in 1653–1654, on the basis of the preserved complexes of Russian and French sources. The embassy had both foreign policy and diplomatic significance for restoring Russia's position in the system of relations between European countries, the messenger had not only to notify the French king about events in Eastern Europe, but also to substantiate the reasons for the outbreak of the Russian-Polish war. At the same time, in his contacts, the messenger did not remain limited to a mission to the king, but also interacted with the Queen Mother, the English Queen in exile, French courtiers, emigrants from the British Isles and Dutch merchants who traded in Russia. The purpose of the article is to analyze the features of intercultural interaction in the context of a new diplomatic history, with special attention to the problems of representation of power, the personality of diplomats and the cultural side of their mission. This emphasis gives the study relevance, due to the little attention in historiography to this mission in the context of a more classical history of international relations. The materials for the study were French court reports on ceremonies, publications in *La Gazette* and *La muze historique*, correspondence of French courtiers and article lists of Russian messengers. Conclusions are drawn about the diplomatic and foreign policy significance of the mission, about the existing problems of interaction between Russian and French diplomatic culture in the middle of the XVII century, the influence of the personality of the messenger K. G. Stepmother's view of the process of establishing diplomatic

relations, as well as the specifics of transmitting news about the embassy in preserved sources. The results of the study can be used for research on the diplomatic culture of the XVII century, the history of foreign policy and international relations.

Keywords: history of diplomacy, the English Revolution, the court of Louis XIV, the Thirteen Years' War, Russian-French relations.

References

1. "Bratu nashemu Ludvigu...": perepiska russkih carej s korolyami Francii v konce XVI – nachale XVIII v. (2021) – "To our brother Ludwig...": correspondence of the Russian tsars with the kings of France at the end of the XVI – beginning of the XVIII century (2021) / ed. by S. M. Kashtanov. M. ; Berlin. Directmedia Publishing. 272 p.
2. Bezobrazov P. V. *O snosheniyah Rossii s Franciej* [On relations between Russia and France]. M. University Printing House. 468 p.
3. Belyakov A. V., Gus'kov A. G. *Perevodchiki Posol'skogo prikaza v XVII v. : mat-ly k slovaryu* [Translators of the Embassy order in the XVII century : materials for the dictionary] / D. V. Liseitsev, S. M. Shamin. M. Indrik. 2021. 304 p.
4. *Boyarskaya kniga 1658 goda* – Boyar book of 1658. M. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 2004. 333 p.
5. Zaborovskij L. V. *Rossiya, Rech' Pospolitaya i Shveciya v seredine XVII v.: iz istorii mezhdunarodnyh otnoshenij v Vostochnoj i Yugo-Vostochnoj Evrope* [Russia, the Polish-Lithuanian Commonwealth and Sweden in the middle of the XVII century: from the history of international relations in Eastern and Southeastern Europe]. M. Nauka (Science). 1981. 179 p.
6. Izrael' D. I. *Gollandskaya respublika. Ee pod'em, velichie i padenie. 1477–1806. T. II. 1651–1702* [The Dutch Republic. Its rise, greatness and fall. 1477–1806. Vol. II. 1651–1702]. M. Clio. 2018. 618 p.
7. Kotoshihin G. *O Rossii v carstvovanie Alekseya Mihajlovicha* [About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich]. SPb. Publishing House of the Archeographic Commission. 1884. 260 p.
8. Manin D. O. *Strategii i praktiki vzaimodejstviya P. I. Potemkina s perevodchikami v posol'stvah vo Francii v 1667–1668 i 1680–1681 gg.* [Strategies and practices of P. I. Potemkin's interaction with translators at embassies to France in 1667–1668 and 1680–1681] // *Perevodchiki i perevody v Rossii do nachala XVIII stoletiya : mat-ly mezhdunar. nauch. konf. Vyp. 3* – Translators and translations in Russia before the beginning of the XVIII century : materials of the international scientific conference. Is. 3. M. 2023. Pp. 222–231.
9. Porshnev B. F. *Franciya, Anglijskaya revolyuciya i evropejskaya politika v seredine XVII v.* [France, the English Revolution and European politics in the middle of the XVII century]. M. Nauka (Science). 1970. 385 p.
10. *Preobrazhenskij V. D. Franko-russkie otnosheniya v XVI–XVII vv. Ch. 2* [Franco-Russian relations in the XVI–XVII centuries. Part 2] // *Yaroslavskij ped. in-t. Uch. zap. Vyp. 9* – Yaroslavl Pedagogical Institute. Scient. notes. Is. 9. 1947. Pp. 4–17.
11. RSAAA (Russian State Archive of Ancient Acts). F. 27. Inv. 1. File 71.
12. RSAAA. F. 93. Inv. 1. Book 4.
13. Rybina E. A. *Tri vneshtatnyh perevodchika Posol'skogo prikaza i odna podpis' na francuzskoj gramote* [Three freelance translators of the Embassy order and one signature on the French letter] // *Perevodchiki i perevody v Rossii konca XVI – nachala XVIII stoletiya : mat-ly mezhdunar. nauch. konf.* – Translators and translations in Russia of the late XVI – early XVIII century : materials of the International scientific conference M. 2019. Pp. 118–122.
14. Florya B. N. *Russkoe gosudarstvo i ego zapadnye sosedi (1665–1661 gg.)* [The Russian state and its Western neighbors (1665–1661)]. M. Indrik. 2010. 656 p.
15. Hennings Ya. *Neudachnyj podarok: kul'turnyj shok ili politicheskaya kul'tura? O funkcii i znachenii diplomaticheskogo dara v anglo-russkih otnosheniyah XVII v.* [A bad gift: cultural shock or political culture? On the function and meaning of the diplomatic gift in Anglo-Russian relations of the XVII century] // *Na yazyke darov: pravila simvolicheskoy kommunikacii v Evrope* – In the language of gifts: rules of symbolic communication in Europe. 1000–1700. M. Political Encyclopedia. 2016. Pp. 201–225.
16. Shamin S. M. *Inostrannye pamflety i kur'ezy v Rossii XVI – nachala XVIII stoletiya* [Foreign pamphlets and curiosities in Russia of the XVI – early XVIII century]. M. Ves' mir (The whole world). 2020. 392 p.
17. Shikulo M. I. *Diplomaticheskij ceremonial kak sposob reprezentacii korolevskoj vlasti vo Francii vtoroj poloviny XVII – nachala XVIII v. : dis. ... kand. ist. nauk* [Diplomatic ceremonial as a way of representing royal power in France in the second half of the XVII – beginning of the XVIII century : dis. ... PhD in Historical Sciences. M. Moscow State University. 2016. 277 p.
18. *Yuzefovich L. Put' posla. Russkij posol'skij obyčaj. Obihod. Etiket. Ceremonial* [The way of the ambassador. Russian embassy custom. Everyday life. Etiquette. Ceremonial]. SPb. Ivan Limbach Publishing House. 2007. 344 p.
19. Archives Nationales de France (AN). Mar. B7 204.
20. Bély L. *La société des princes*. Paris. Fayard. 1999. 651 p.
21. Grönebaum F. *Frankreich in Ost- und Nordeuropa: Die französisch-russ. Beziehungen von 1648–1689*. Wiesbaden : Franz Steiner Verlag GMBH, 1968. 234 p.

22. *Hatin E.* Histoire politique et littéraire de la presse en France. T. I. Paris : Poulet-Malassis et de Broise. 1859. 483 p.
23. *Hennings J.* Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648-1725. Cambridge : Cambridge University Press. 297 p.
24. *Jensen C. R., Maier I.* Russia's Theatrical Past: Court Entertainment in the Seventeenth Century / S. Shamin, D. C. Waugh. Bloomington : Indiana University Press. 2021. 295 p.
25. *Lilti A.* Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. Paris. Fayard. 2005. 568 p.
26. *Loret J.* La muze historique. Vol. I. Paris. Chez P. Jannet. 582 p.
27. *Nagielski M.* Druga wojna domowa w Polsce: Z dziejow polityczno-wojskowych Rzeczypospolitej u schyłku rządu Jana Kazimierza Wazy. Warszawa : Wydawnictwo Neriton. 2011. 375 p.
28. Oeuvres completes de Jean Racine. Vol. VII. Paris. Normant. 1808. 633 p.
29. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la révolution française. Vol. VIII. Paris : Ancienne librairie G. Baillié et cie F. Alcan. 500 p.
30. *Seydoux M.* Les ambassades russes à la cour de Louis XIV // Cahiers du monde russe et soviétique. Année 1968. Vol. 9. No. 2. Pp. 235-244.
31. *Shaub M.-K.* Comment régler des incidents protocolaires? Diplomates russes et français au XVIIIe siècle // L'incident diplomatique (XVIe-XVIIIe siècle). Paris. 2009. Pp. 323-336.